

Александр Стыкалин

Трианонский мирный договор 1920 года и его последствия для Венгрии и Центральной Европы

К 100-летию роковой годовщины в венгерской истории

Аннотация. Трианонский мирный договор, подписанный Венгрией с державами-победительницами и их союзниками 4 июня 1920 г., явился неотъемлемой составной частью системы мирных договоров, установленной по итогам Первой мировой войны. Он подвел международно-правовую базу под разрушение Венгерского королевства в его средневековых исторических границах, определил место Венгрии в Версальской системе международных отношений. В статье рассматривается влияние договора на внешнюю политику хортистской Венгрии, поддержанную широким общественным мнением страны. Показана противоположность внешнеполитических векторов Венгрии и ряда соседних государств: в противовес Венгрии, упорно стремившейся к ревизии границ, соседние Румыния, Чехословакия и Югославия были столь же последовательны в желании сохранить в неизменности Версальскую систему.

Ключевые слова: Венгрия, Версальская система международных отношений, Трианонский мирный договор, первая мировая война, Центральная Европа.

© **Стыкалин Александр Сергеевич** – кандидат ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: zhurslav@gmail.com
Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы», проект № 19-59-23005.
Автор благодарит за содействие в подготовке статьи, в частности за предоставление некоторых архивных источников, свою ученицу канд. ист. наук Каори Кимуру (Будапешт – Токио).

Один из крупных среднеевропейских политических мыслителей XX века Иштван Бибо (1911–1979) в своих работах второй половины 1940-х годов, получивших позже международную известность, много писал о разительном несовпадении государственных, этнических и исторических границ в Дунайско-Карпатском регионе как о факторе, который в немалой мере предопределял состояние межнациональных и межгосударственных отношений в новейшее время (Бибо, 2004). Особенно примечателен в этом плане опыт его родной Венгрии. Ведь границы венгерского государства, установленные по итогам Первой мировой войны, явно не совпадали с границами земель «Короны св. Стефана (Иштвана)», т.е. с границами раннесредневекового Королевства Венгрия, образованного в 1000 году, которые со времен раннего средневековья определяли представления венгерского политического класса о пределах своего отечества. Не совпадали они и с рубежами венгерской половины монархии Габсбургов в эпоху австро-венгерского дуализма 1867–1918 гг. Мало общего они также имели с линией расселения венгров в Дунайском бассейне. Попытки венгерской элиты привести навязанные стране Трианонским мирным договором 1920 г. границы в большее соответствие как с собственным политическим идеалом, так и с границами обитания венгерского этноса на протяжении всего межвоенного времени лишь усиливали международную напряженность, были одним из факторов, подталкивавших страны региона к новой войне за передел границ.

К осени 1918 г. стало очевидным, что монархия Габсбургов, ближайший союзник Германии, окажется в числе государств, потерпевших поражение в Первой мировой войне. Австро-Венгрию охватил глубокий внутривнутриполитический кризис. На периферии полиэтничной империи активизировались центробежные национальные движения (южнославянские; чешское и словацкое; польское в Галиции; румынское в Трансильвании), получавшие все более активную поддержку со стороны стран-победительниц. В Великобритании, Франции, США меняется и взгляд политических элит на будущее Габсбургской монархии. Принципы национального самоопределения, изложенные в программных выступлениях президента США Вудро Вильсона, были взяты на вооружение идеологами национальных меньшинств двуединой Австро-Венгрии. В Лондоне, Париже, Вашингтоне, где еще недавно исходили из представлений о необходимости сохранения (пусть и в усеченном виде) Дунайской монархии как «европейской необходимости», гаранта стабильности на востоке Средней Европы, корректируют в течение 1918 г. свои установки. Ставка делается теперь на целесообразность разрушения наднациональной империи, на поддержку альтернативных государственных проектов, в основе которых

лежали идеи возрождения польской государственности, концепции чехословакизма, югославизма, великорумынского национализма.

В конце октября 1918 г., в условиях военного поражения и глубокого системного кризиса всей Дунайской монархии, в обеих ее столицах — Вене и Будапеште — произошли демократические революции, свергнувшие власть Габсбургов. Итоги первой мировой войны предстояло закрепить на мирной конференции. С Австрией был подписан Сен-Жерменский мирный договор. Особенно далеко идущие последствия для всей системы международных отношений в Европе имел Трианонский мирный договор с Венгрией.

В 1920 г. представители держав-победительниц, собравшиеся в Париже, в Большом Трианонском дворце, предъявили Венгрии территориальные требования, которые были в конечном счете приняты хортистским правительством, хотя и шокировали не только венгерскую политическую элиту, но и самое широкое общественное мнение в стране. Как описывает события того дня современный венгерский историк Миклош Зейдлер, в день подписания договора 4 июня 1920 г. по всей Венгрии были не только приспущены государственные флаги, но также прошли демонстрации и траурные мероприятия. «Как в Будапеште, так и в провинции люди одевались в траурную одежду. Был объявлен сухой закон, закрыли свои двери для посетителей театры, кинотеатры, кабаре, другие общественные места. В школах вместо уроков, назначенных по расписанию, учителя разъясняли учащимся суть мирного договора. В столичных храмах в дообеденные часы состоялись внеочередные богослужения, на протяжении получаса не смолкали колокола. В 10 часов утра по всей стране на 10 минут остановилось движение, в том числе железнодорожное. На 10 минут были прерваны и все заседания в венгерских судах. На целый час было приостановлено заседание будапештского городского совета. В это время не работали магазины и кафе, закрыли двери банки, биржа, другие учреждения. В Национальном собрании не было дискуссий, депутаты должны были лишь молчаливо выслушать заявление спикера И. Раковски о том, что мирный договор является несправедливым, однако у Венгрии не было иного выбора» кроме как подписать его под давлением обстоятельств (Зейдлер, 2019: 150–151). С публикацией текста, ратифицированного венгерским парламентом в ноябре 1920 г. договора в своде законов Венгрии его первая страница была помещена в траурную рамку.

Трианонский мирный договор отражал реальную расстановку сил в Дунайском бассейне, существовавшую к началу 1919 г., и юридически оформлял положение, сложившееся после распада Австро-Венгерской монархии, провозглашения независимости Чехословакии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (т.е. будущей Югославии), присоединения

Трансильвании к Румынии. В Версале не было поддержано стремление Будапешта сохранить под своим контролем обширные территории, которые, будучи заселенными не только венграми, но и другими народами¹, входили испокон веков, а именно со времен раннего Средневековья, в историческое Королевство Венгрия. Слишком сильная Венгрия (потенциальный претендент на политическое доминирование в регионе и вероятный союзник униженной, но способной возродить свой державный потенциал Германии) не отвечала представлениям прежде всего французской элиты о равновесии сил в Дунайском бассейне в интересах будущей европейской стабильности. Именно голос Франции сыграл решающую роль при установлении новых венгерских границ. Вообще представители побежденных государств были позваны на мирную конференцию только тогда, когда уже были подготовлены тексты мирных договоров с ними. В этот момент они получили возможность выступить со своими замечаниями, однако в лагере победителей, как правило, не были склонны вносить серьезные изменения в условия мирного урегулирования с учетом мнения побежденных. Так, Венгрия получила приглашение на мирную конференцию только 1 декабря 1919 г., после того как Союзные Державы признали наконец венгерское правительство, установленное после свержения Венгерской Советской Республики.

В соответствии с положениями Трианонского мирного договора Чехословакия получила словацкие земли (а также ряд земель теперешней Южной Словакии, где преобладали венгры) и Закарпатскую Украину (Подкарпатскую Русь). Территориальные приобретения Румынии превосходили по площади Венгрию в ее новых, «трианонских» границах — 102 тыс. кв. км). В состав Румынии вошли Трансильвания и примыкающие к ней области Восточный Банат, Парциум (по румынской традиции — Кришана) и Марамуреш, прилегающий с юга-востока к Подкарпатской Руси. Венгерско-австрийские границы были пересмотрены в пользу Австрии с учетом этнического фактора — на отошедшей к Австрии, вытянутой с юга на север полоске земли образовалась австрийская провинция Бургенланд. В состав молодого югославянского государства вошли Хорватия и Воеводина (в которой преобладали сербы).

Таким образом, в условиях новой Версальской системы международных отношений территория венгерского государства сокращалась более чем втрое в сравнении с землями, находившимися под юрисдикцией Будапешта в эпоху австро-венгерского дуализма (1867–1918).

1 Этнические венгры составляли около 50% населения Королевства Венгрия, одной из двух частей дуалистической Австро-Венгерской монархии.

С 325 тыс. кв. км² (это больше сегодняшней Польши) она уменьшилась до 93 тыс. кв. км, тогда как население ее сократилось с более чем 18 млн человек (среди которых венгры составляли примерно половину) до 7,6 млн человек. Страна потеряла, таким образом, 72% территории и 64% населения. 3,2 млн венгров (более чем каждый четвертый) оказались в соседних странах на положении представителей национальных меньшинств. Наряду с землями, где преобладали прежние этнические меньшинства (румыны, словаки, хорваты, сербы, немцы, русины), к соседним государствам отошли и области с компактным проживанием венгров, составлявших там большинство (в Южной Словакии, а также «земля секеев» в Восточной Трансильвании³). Неизменно претендовавшая на доминирующие позиции на востоке Центральной Европы Венгрия после поражения в Первой мировой войне была, таким образом, низведена до положения одного из малых государств, вынужденных в своей внешней политике постоянно считаться с волей не менее, а подчас и более сильных соседей (и Румыния, и Чехословакия, и Королевство сербов, хорватов и словенцев, т.е. будущая Югославия, каждая в отдельности превзошли Венгрию и по площади, и по численности населения). Нельзя сбрасывать со счетов и негативные экономические последствия Трианона для Венгрии: отрыв промышленности Будапешта от важных источников сырья, оставшихся в Трансильвании и Словакии, разрушение всей сложившейся системы сельхозобмена неблагоприятно сказывались на развитии экономики, усиливали ее зависимость от внешнего рынка.

Ни одно европейское государство, включая Германию, не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров именно в их территориальных аспектах с такой настойчивостью и упорством, как это делала хортистская Венгрия. Однако важно помнить и о том, что дело не сводилось к территориальному размежеванию и изменению границ. Весьма жесткими были также продиктованные Венгрии условия, касавшиеся величин, вооружения и технического оснащения ее будущей армии, развития экономики и выплаты репараций (Зейдлер, 2004).

Условия Трианонского договора показали крайне несправедливыми даже той либеральной части венгерского общества, которая

2 282 тыс. квадратных км без Хорватии, обладавшей ограниченной автономией в рамках Королевства Венгрия.

3 Секеи (рум.: секуи, нем.: секлеры) — проживающая в горных районах Восточной Трансильвании венгероязычная этническая группа, отличающаяся значительным культурным своеобразием.

достаточно критически относилась к политике насильственной мадьяризации, проводимой венгерскими правительствами эпохи дуализма на контролируемых ими землях, они вызвали в стране настоящий шок. Не удивительно, что внешняя политика хортистского режима, с самого начала последовательно направленная на ревизию трианонских границ, была всецело поддержана общественным мнением страны, в течение двух межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимся к новой геополитической ситуации.

С точки же зрения внутренней политики лозунг ревизии ненавистного Трианонского договора имел огромное консолидирующее значение, оказавшись способным сплотить на единой платформе самый широкий спектр политических сил (от крайне правых до умеренно левых) и став на два десятилетия важнейшим инструментом достижения национального единства. В самом деле, на Трианон и связанное с ним национальное ущемление легко можно было списывать все пороки системы и злоупотребления властей.

Происходит резкий сдвиг общественного сознания вправо — чему способствовала, разумеется, и массовая эмиграция из Венгрии интеллектуалов левого толка после поражения Венгерской советской республики 1919 г. и установления режима Хорти. В духовной жизни страны набирают все большую силу сначала консервативно-националистические, а в 1930-е годы и праворадикальные течения. Некоторые из течений эпохи (например, туранизм) отличались ярко выраженной не только антилиберальной, но, в сущности, антизападной направленностью.

Сколь ни были весомы основания для принятых в предместьях Парижа (с учетом мнения экспертных комиссий, работавших в рамках мирной конференции) соответствующих решений, они не разрешили национально-территориальных противоречий, имевшихся в монархии Габсбургов, а лишь перенесли их в другую плоскость, сделав межэтнические конфликты межгосударственными. Была заложена мина замедленного действия под всю конструкцию мирного урегулирования в Дунайском бассейне. Венгерский ирредентизм становится на два десятилетия одним из определяющих факторов для ситуации в Дунайско-Карпатском регионе. И вполне понятно, что создание защитных механизмов, преград на пути венгерской ревизионистской политики стало едва ли не важнейшим направлением во внешней политике стран Малой Антанты, объединившихся в интересах сохранения установленной в Версале системы международных отношений в Европе. Полная противоположность внешнеполитических целей, которые ставили перед собой государства региона, предопределяла сохранение перманентной напряженности в Дунайско-Карпатском бассейне.

Среди порожденных несовершенной Версальской системой международных отношений очагов перманентной конфликтности, чреватых все новыми и новыми угрозами для установившегося в межвоенной Европе хрупкого равновесия сил, особое место занимал трансильванский спор между Венгрией и Румынией. Декларированный на Версальской мирной конференции принцип «одна нация — одно государство» не был на практике реализован при перекройке границ — ведь в целом ряде случаев (прежде всего в трансильванском и словацком) слишком велико было несовпадение между довольно произвольно установленными государственными и исторически сложившимися этническими границами. В соседних странах большую долю населения составляло венгерское национальное меньшинство с очень развитым этническим сознанием и своей интеллигенцией, для которого образованные или преобразованные национальные государства (включая межвоенную Великую Румынию) никак не могли стать «своими». Стиснутая в своих новых границах Венгрия после 1920 г. приняла более 400 тыс. венгерских беженцев из других стран. Решение связанных с притоком мигрантов проблем явилось непосильным грузом для бюджета страны, обремененного также необходимостью выплаты огромных репараций.

Вынесению решений на Парижской конференции предшествовала, как уже отмечалось, работа группы международных экспертов, но Трансильвания явила собой тот самый случай, когда установить более или менее справедливые границы по этническому принципу было практически невозможно, так как и румыны, и венгры фактически были расселены по всей территории этого края. Немалую долю населения составляли и немцы (католики-швабы Баната и протестанты-саксы Сибиу и Брашова с окрестностями), потомки колонистов, на протяжении веков переселявшихся в этот богатый природными ресурсами край. Главная же область компактного проживания венгров (земля секеев) находилась на востоке Трансильвании, вдали от новых румынско-венгерских границ. Вследствие Трианонского договора в пределах Румынии оказалось не менее 2 млн венгров. Так Трансильвания, по справедливому выражению выдающегося историка Е.В. Тарле, стала «яблоком раздора на очень опасном европейском перепутьи» (Трансильванский вопрос, 2000: 4; мнение Тарле запрашивалось Наркоминделом СССР во время войны при выработке официальной советской позиции в трансильванском вопросе).

С установлением Версальской системы восстановление исторической справедливости для одних обернулось несправедливостью для других. Румынская элита, осознав свое господствующее положение в крае, получила возможность отплатить поверженному противнику за все прежние обиды — прежняя дискриминация румын в дуалистической

Венгрии сменяется новой, теперь объектом притеснений со стороны бюрократии королевской Румынии становится мадьярское меньшинство. Планы создания культурной автономии оставались на бумаге, около 250 тыс. венгров, относившихся к коренному населению Трансильвании, вообще не получили румынского гражданства, многие покинули страну (к концу 1930-х годов, когда официальный Бухарест перестал последовательно придерживаться профранцузской ориентации, даже покровительствовавшие Румынии представители Франции признали с трибуны Лиги Наций имевшие место факты притеснения венгров).

Венгерское национальное сознание крайне болезненно восприняло утрату Трансильвании, края, связанного с Венгрией давними историческими и культурными узами. И это касалось отнюдь не только отпрысков аристократических фамилий, лишившихся своих наследственных земельных владений (трансильванцы граф Иштван Бетлен, прямой потомок некогда могущественных трансильванских князей, и граф Пал Телеки были наиболее значительными премьер-министрами хортистской Венгрии), но и более широкого общественного мнения. Регент Венгрии адмирал Миклош Хорти и его окружение, утвердившиеся у власти вследствие падения Венгерской советской республики 1919 г., с крайней непримиримостью относились к коммунистической идеологии и всегда опасались экспансии Советов на Запад. Но все это отступало на задний план, когда дело касалось объективного совпадения интересов СССР и хортистской Венгрии. Поскольку ни в Москве, ни в Будапеште решительно не принимали Версальской системы, существовала объективная основа для сближения двух стран, которая многократно усиливала свое значение, поскольку каждая из сторон имела территориальные претензии конкретно к Румынии (в СССР никогда не признавали законной оккупацию Бессарабии в 1918 г.). Этот фактор сыграл свою роль при установлении советско-венгерских отношений в 1934 г. (Колонтари, 2010).

В свою очередь венгерское население Трансильвании очень плохо адаптировалось к условиям Румынии, не учило государственный язык, отгораживалось от румынской культуры, терпеливо (а чаще не очень терпеливо) ожидая новой перекройки границ. Таким образом, вместе с новыми территориальными приобретениями Румыния обрела новые, прежде незнакомые ее политической элите проблемы. Приход к власти в Германии в 1933 г. национал-социалистов и приближение новой войны перевели ревизионистские цели из области идеологии и пропаганды в сферу практической политики. В условиях резкого обострения общеевропейской ситуации, когда малые европейские страны становились не только легкой добычей, но и орудиями в большой игре своих более крупных соседей, произошло новое возгорание латентного очага напряженности.

Аншлюс Австрии в 1938 г. и последовавшее за ним расчленение Чехословакии, обозначив кризис Версальской системы, положили начало пересмотру границ в Дунайском бассейне. Как только Версальская система была взорвана, под вопросом оказался и Трианонский мирный договор, становится реальной перспектива его ревизии. Именно успех Гитлера в Мюнхене осенью 1938 г. позволил регенту Венгрии Хорти и его окружению приступить к осуществлению своих ирредентистских планов. С началом Второй мировой войны открылись возможности для еще более радикальной перекройки карты Средней Европы. В случае румыно-венгерских отношений непримиримость позиций обеих сторон в территориальном споре исключала любовную сделку, требовала активных посреднических усилий третьих стран. Запутанный узел венгеро-румынских противоречий явился фактором, оказывавшим все более существенное воздействие на всю международную обстановку в Карпатско-Дунайском регионе и на Балканах в условиях развязывания Второй мировой войны и вовлечения в нее все новых и новых участников. При этом венгерская политическая элита все больше осознавала определенную общность интересов Будапешта и Москвы, Советский Союз по-прежнему воспринимался ею как «попутчик». Советская акция по присоединению Бессарабии в июне 1940 г. вызвала полную поддержку хортистской элиты и даже венгерского МИДа, не скрывавшего, что намеревается воспользоваться прецедентом для предъявления собственных территориальных претензий к Румынии (Стыкалин, 2019).

Как на Балканах, так и в Дунайско-Карпатском регионе национально-территориальные споры периодически использовались большими державами для достижения своих геополитических целей, установления контроля над теми или иными странами. Трансильванский венгерско-румынский спор явил собой в этом смысле один из наглядных примеров. Известно, что уже в годы Первой мировой войны трансильванская карта активно разыгрывалась странами Антанты против Австро-Венгрии (Виноградов, 2010). К началу Второй мировой войны значение трансильванского вопроса в европейской политике возросло. Запутанный узел венгеро-румынских противоречий был временно развязан вследствие Второго венского арбитража 30 августа 1940 г., когда волей лидеров Германии и Италии Северная Трансильвания была отдана под юрисдикцию Венгрии. При этом Гитлер дал понять румынам, что не считает вопрос закрытым (Стыкалин, 2009).

Венгрия, как и Румыния, была союзницей нацистской Германии, участие ее войск в запланированной Гитлером кампании против СССР не могло не быть оплачено приобретением новых территорий, в первую очередь за счет соседней Румынии. Получение Северной Трансильва-

нии не утолило геополитических appetитов верхушки хортистского режима, претендовавшей на большее — по возможности на восстановление Венгрии в границах земель «короны святого Стефана» (Иштвана), включавших в себя всю Трансильванию, словацкие земли, Воеводину, Закарпатскую Украину и т.д. Сильно разочаровав Вторым венским арбитражем Румынию и не удовлетворив Венгрию, нацистская Германия вместе с тем не только сохранила рычаги воздействия на обе враждующие между собой страны, но получила дополнительные возможности играть в своих интересах на венгеро-румынских противоречиях. Венгрия ждала от «Третьего рейха» содействия в осуществлении своих дальнейших ирредентистских планов, тогда как Румыния — если не возвращения Северной Трансильвании, то больших территориальных компенсаций на востоке за счет СССР. Реваншистские настроения требовали выхода, и задача верхушки нацистской Германии заключалась в том, чтобы придать им строго определенный вектор, соответствующий военным целям «Третьего рейха». Известно, что главным аргументом в пользу участия Румынии в войне против СССР была ссылка на утрату ею территорий, воссоединенных летом 1940 г. с СССР — Бессарабии, принадлежавшей России в 1812–1918 гг., а также Северной Буковины, где преобладало украинское население. Гитлер подчеркнул в мае 1941 г. в беседе с румынским диктатором (кондукэтором) маршалом Антонеску, что Румыния не может уклониться от войны с СССР, «так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии». При этом Румынии было обещано право «оккупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днепра» (Протоколы допросов бывших руководителей Румынии, 2011), право в значительной мере реализованное в 1941–1943 гг.

Таким образом, сколь ни была велика в Румынии обида на Германию за венский арбитраж, в Европе в это время не было другой силы, на которую могла возлагаться надежда на пересмотр решений этого арбитража. Зависимость как Румынии, так и Венгрии от «Третьего рейха» возросла, каждая из противоборствующих сторон была плотнее пристегнута к осуществлению внешнеполитических и военных планов Германии, что способствовало в конечном итоге втягиванию обеих стран-антагонистов в войну против СССР (Исламов, Покивайлова, 2008). Как свидетельствуют документы, решение о вступлении Румынии в войну на восточном фронте принималось прежде всего с оглядкой на Венгрию, которая в случае отказа Румынии могла бы оказаться в значительном выигрыше перед своей вечной конкуренткой и наверняка овладела бы при поддержке Германии новыми румынскими территориями, так как возможности Берлина шантажировать своих сателлитов были в 1941 г. поистине безграничными.

Между тем, сделанный внешнеполитический выбор в пользу Германии обрек оба режима на поражение в войне.

Парижский мирный договор 1947 г. восстановил трианонские границы Венгрии и Румынии. Установление к концу 1940-х годов коммунистических режимов и принадлежность обеих стран к одному военно-политическому лагерю, формировавшемуся под эгидой СССР, ускорили под давлением Москвы видимую нормализацию отягощенных грузом трансильванской проблемы двусторонних отношений (Стыкалин, 2014).

Не менее долгосрочным было влияние Трианонского мирного договора на отношения Венгрии со своим северным соседом — Чехословакией. В состав образованного в конце 1918 г. чехословацкого государства вошли, как известно, обширные территории, на протяжении 1000 лет относившиеся к венгерским коронным землям «святого Иштвана», включая Закарпатскую Украину. Наряду со словаками, закарпатскими русинами и украинцами на них проживало более 800 тыс. (а по венгерским данным, до 900 тыс.) венгров, компактной массой заселявших области, располагавшиеся вдоль установленных венгерско-чехословацких границ — при установлении границ был принят во внимание в первую очередь не этнический фактор, а претензии чехословацкого правительства на определенные земли ввиду их плодородности и экономической значимости для молодого государства.

Чехословацкий государственный проект, по сути явившийся специфической формой реализации чешской национальной идеи, соединил в едином государстве представителей разных национальностей. Территории, заселенные судетскими немцами, издавна проживавшими здесь, на «землях чешской короны», были включены в состав чехословацкого государства на основании исторического принципа. Словаки и русины (проживавшие на венгерских, а не на чешских коронных землях) были подключены к реализации единого с чехами государственного проекта в соответствии с этническим (но не историческим) принципом. Сложнее обстояло дело с венграми Южной Словакии, которых в отличие от судетских немцев невозможно было привязать к проекту чехословакизма на основании исторического принципа, обосновав историческими аргументами право чешского (чехословацкого) государства на обладание этими землями. Ведь в отличие от Судетской области эти территории фактически никогда к числу чешских коронных земель (земель «короны святого Вацлава») не относились. Как заметил в этой связи в одной из работ второй половины 1940-х годов Иштван Бибо, хотя венграм трудно жаловаться на какую-либо дискриминацию в условиях демократической Первой Чехословацкой республики, довольно абсурдным был сам факт их пребывания в стране чехов и словаков, нашедших друг друга на

основании идеи славянского братства (Венгры и Европа, 2002: 234). Не удивительно, что венгры выступали в качестве центробежной силы на всем протяжении существования Первой Чехословацкой республики. Хортистская элита, воспринимавшая словацкие земли в качестве Верхней Венгрии, хотя и вынуждена была на определенном минимуме поддерживать дипломатические отношения с Прагой, развивать в своих интересах экономические связи, вместе с тем считала само существование на политической карте мира чехословацкого государства (по выражению Хорти, «раковой опухоли Европы») временной аномалией или, во всяком случае, результатом крайне неблагоприятного для Венгрии стечения обстоятельств.

Мюнхенское соглашение западных держав с Гитлером привело к краху чехословацкого государства. В начале ноября 1938 г. по первому венскому арбитражу Венгрия получает южные области Словакии и Подкарпатской Руси. Весной 1939 г. венгерские войска оккупируют всю Подкарпатскую Русь. Появившаяся вследствие распада чехословацкого государства «независимая» Словакия, фактически германский протекторат, своим существованием вызывала огромное раздражение хортистской элиты. Реализация любого словацкого госпроекта была возможна только на землях короны «святого Иштвана», восстановление целостности которых ставилось режимом Хорти в качестве первой внешнейполитической задачи. Из этого следовала тогдашняя полная несовместимость словацкого и венгерского (в его максималистском варианте предполагавшего полную ревизию трианонских границ) госпроектов. Германия же имела свои виды на Словакию. Для Берлина создание «независимого» словацкого государства явилось фактором давления на Польшу (до сентября 1939 г.), но прежде всего на Венгрию.

По окончании Второй мировой войны чехословацкая элита во главе с президентом Эдуардом Бенешем, исходя из негативного опыта предвоенных и военных лет, поставила перед державами-победительницами вопрос о массовом выселении из страны как немцев, так и венгров. Правда, применительно к венграм эта инициатива не была в полной мере поддержана. Как бы то ни было, попытки дискриминации и выселения из Чехословакии этнических венгров сильно осложняли отношения двух соседних стран в первые послевоенные годы (Венгерское национальное меньшинство, 2017). Видимая нормализация этих отношений произошла под давлением Москвы только с установлением в обеих странах коммунистических режимов.

Трианонский мирный договор во многом предопределял и характер отношений Венгрии с ее южным соседом — королевской Югославией (до 1929 г. Королевством сербов, хорватов и словенцев). Векторы внешней

политики двух государств были прямо противоположны. Если Венгрия упорно стремилась к ревизии Трианонского договора и пересмотру установленных на Парижской мирной конференции границ, то Югославия в своей внешней политике была столь же последовательна в желании сохранить Версальскую систему. Определенную роль в двусторонних отношениях играла проблема венгерского национального меньшинства в Югославии (Hornuák, 2013). Можно признать, что отношения хорватской Венгрии с югославянским государством несколько отличались от ее отношений с его партнерами по Малой Антанте.

Регент Венгрии, адмирал Хорти, всегда скептически относившийся к югославскому государственному проекту, вместе с тем за десятилетия военной службы на Адриатике в эпоху дуализма приобрел собственный богатый и не всегда негативный опыт общения с хорватами, словенцами и сербами. «Из всех государств вражеской Малой Антанты Югославия являлась единственной, кому не краснея можно было бы протянуть руку. До войны сербы были нашими открытыми врагами и хорошо дрались во время войны», — писал Хорти в порыве откровенности Гитлеру в августе 1938 г. (АВПР. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 125). Стремление к налаживанию связей со старым и наиболее принципиальным врагом проявилось и на практике. Регент установил хотя и прохладные, но вполне корректные личные отношения с королем Югославии Александром. А в 1926 г., выступая в Мохаче, близ венгеро-югославской границы, в связи с 400-летием трагического мохачского поражения венгров и сербов от турок, Хорти высказался за нормализацию отношений с соседней Югославией. За всем этим стояли совершенно прагматические расчеты — венгры очень надеялись на возможность широкого использования югославского порта Риеки (который привыкли в эпоху австро-венгерского дуализма считать своими морскими воротами, поскольку он находился под прямой юрисдикцией Будапешта). Кроме того, венгерские лидеры стремились заручиться нейтралитетом Югославии на случай вооруженного конфликта с одним из ее союзников по Малой Антанте — Чехословакией (само присутствие которой на политической карте мира он неизменно воспринимал с крайним раздражением) или Румынией. При этом важно заметить, что утрата Трансильвании и «Верхней Венгрии» (т.е. Словакии) была воспринята венгерским политическим сознанием, особенно консервативным, куда более остро, нежели утрата южных территорий, освоенных венграми только после изгнания турок в начале XVIII века.

Венгерская элита была недовольна положением венгров в югославянском государстве — дискриминацией при проведении земельных реформ, насильственными переселениями людей по произволу властей, состоянием обучения детей на венгерском языке и возможностями для

развития венгерской культуры. Свое недовольство хортистская дипломатия выражала и с трибуны Лиги наций. С началом в 1929 г. всемирного экономического кризиса положение венгров в Югославии еще более усугубилось, их дискриминация (в частности, экономическая) усилилась. И все же в Будапеште было больше претензий к положению венгерского меньшинства в Румынии, нежели в Югославии. Таким образом, предпосылкой для нормализации отношений с Югославией у хортистской Венгрии было больше, нежели для нормализации отношений с ее союзниками. Все-таки Малая Антанта была действенным механизмом, реально препятствовавшим осуществлению венгерских ревизионистских планов. Внести раскол в нее никак не удавалось. Происходившие в 1925–1926 гг. переговоры с Югославией так и не привели к выходу Венгрии из внешнеполитической изоляции, не удалось решить и задачу более активного использования порта Риеки в венгерских экономических интересах. Из дипломатической изоляции хортистскую Венгрию вывел договор с Италией, заключенный в апреле 1927 г. Учитывая непростые югославо-итальянские отношения, он был воспринят в Белграде настороженно, что создало новые препятствия для развития венгерско-югославских отношений.

Хорти, впрочем, и не питал слишком больших иллюзий по поводу далеко идущего сближения с Югославией, он хорошо осознавал разновекторность устремлений политических элит двух соседних стран, понимая, что в Белграде стремились во что бы то ни стало сохранить Версальскую систему как обеспечившую весьма благоприятные границы для страны. Кроме того, регент Венгрии в соответствии с давними традициями венгерского консервативного мышления всегда считал главной геополитической угрозой для своей страны панславизм как опору центробежных славянских движений, в конце концов разрушивших историческую Венгрию. В югославском государстве же он видел опасное орудие последнего, даже если только потенциальное орудие. Конечно, рассуждал он, сербское королевство Карагеоргиевичей, традиционный друг империи Романовых, не может не относиться с непримиримостью к большевизму и дало приют его врагам. Но «в случае, если современная Россия примет национальную [а не большевистскую — А.С.] окраску, то сербы будут первыми, кто с радостью перейдет в русский лагерь. Эта надежда живет в сердце каждого серба», — писал он Гитлеру (АВПР. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 127).

Как и подобает профессиональному военному, Хорти подходил к Югославии и с точки зрения ее военного потенциала (как потенциального противника), который внушал ему скорее оптимизм в свете непрекращавшихся в этой стране межнациональных распрей. Югославия, писал он (надо сказать, довольно прозорливо) Гитлеру, несмотря на смелость

сербов и их умение воевать — самое слабое звено Малой Антанты, поскольку национальная «вражда может в отдельных местах принять характер резни, что вполне соответствует балканским обычаям» (АВПР. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 128). После 20-летнего негативного опыта жизни сербов и хорватов в едином государстве в случае ввода иностранных войск в Сербию можно рассчитывать, продолжал он, по меньшей мере, на пассивность хорватов. События, развернувшиеся уже в условиях начавшейся Второй мировой войны, в апреле 1941 г., подтвердили правоту прогнозов венгерского адмирала.

Югославская элита в свою очередь не доверяла хортистам. С венграми «трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию»; «ревизионизм и мегаломания оставят их без всяких союзников», говорил советскому посланнику в Будапеште Н.И. Шаронову его югославский коллега С. Рашич в феврале 1940 г. (Трансильванский вопрос, 2000: 20–21). Тем не менее Югославия пошла на заключение договора с Венгрией. К этому побуждали стремление обезопасить себя от венгерских территориальных претензий, а также желание, заручившись поддержкой хоть и ненадежного, но союзника, хотя бы немного усилить свои позиции перед лицом непрекращающегося давления Германии, ставшей после аншлюса ею Австрии непосредственным соседом Югославии. Аналогичной заботой об укреплении своих позиций перед лицом германского диктата руководствовались, в сущности, и в Будапеште. Кроме того, Венгрия стремилась нейтрализовать Югославию на случай перехода венгеро-румынского конфликта из-за Трансильвании в горячую стадию (Малой Антанты после краха Чехословакии уже не существовало).

Таким образом, стремление правительств обеих стран к расширению поля внешнеполитических маневров в условиях продолжающейся войны привело к заключению 12 декабря 1940 г. договора о «постоянном мире и вечной дружбе» между хортистской Венгрией и королевской Югославией. Однако всего через три месяца, в конце марта 1941 г., приход к власти в Белграде в результате государственного переворота совершенно неприемлемого для «Третьего рейха» пробританского правительства резко изменил ситуацию. В Берлине начали ускоренными темпами готовиться к войне с Югославией и стали давить на Будапешт. 28 марта под нажимом немецкой дипломатии и собственного прогермански настроенного генералитета Хорти дал согласие на проход германских войск через территорию Венгрии по направлению к Югославии. Через два дня, 30 марта, в Будапеште было подписано венгеро-германское соглашение о совместных военных действиях против Югославии. Принимая во внимание только что заключенный договор с Белградом, венгерское правительство свое

непосредственное участие в военной акции обставило определенными условиями — венгерская армия могла пересечь границу с Югославией лишь в случае распада югославского государства, нападения южного соседа первым на Венгрию, а также в случае, если будет подвергнута угрозе жизнь этнических венгров, проживавших в Югославии. «Я сам придерживался той точки зрения, что, имея в виду недавно заключенный договор о дружбе, мы должны стремиться сохранить свое лицо», — писал Хорти Гитлеру в начале апреля (АВПР. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 147). Венгерский лидер надеялся, что со вступлением вермахта в Югославию в Хорватии восторжествует сепаратизм, она отделится и партнер по договору прекратит свое существование. Венгрия тем самым будет свободна от прежних договорных обязательств.

Выдвижение немецкой армии в направлении Югославии было начато 2 апреля. А в ночь на 3 апреля премьер-министр граф П. Телеки застрелился в своей резиденции явно в знак протеста против участия Венгрии в военной кампании вермахта. «Граф Телеки пал жертвой конфликта совести, который переживает вся нация», — написал регент Хорти на следующий день (АВПР. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 148). 6 апреля части вермахта вторгаются в Югославию. В Венгрии в этот день происходит мобилизация войск, но на границе предпринимаются меры только оборонительного характера. 7 апреля в условиях начавшейся войны с Германией югославские ВВС (согласно версии, до сих пор не доказанной, но принятой хортистской элитой в те дни всерьез) подвергли бомбардировке города Печ и Сегед, находящиеся вблизи югославской границы (вполне возможно, имела место гитлеровская провокация). Повод для непосредственного вмешательства в конфликт был найден. 10–11 апреля, после провозглашения «независимой» Хорватии, начавшейся эвакуации югославской администрации и отступления войск из Воеводины, венгерская армия переходит границу, занимает г. Суботицу и в течение 4 дней овладевает землями, ранее входившими в состав исторического Венгерского королевства, в том числе и главным городом Воеводины Нови-Садом. Через несколько дней вице-министр иностранных дел Венгрии Я. Ворнле, приняв советского посланника Н. Шаронова, довольно резко заявил, что Венгрия никогда не отказывалась от территорий, утраченных по Трианону в пользу Югославии (Трансильванский вопрос, 2000: 146). Так Венгрия, ликвидируя одну из трианонских «несправедливостей», вступила во Вторую мировую войну. К военной акции по расчленению Югославии присоединились и два других союзника Германии — Италия и Болгария.

В годы войны террор венгерской жандармерии против мирного сербского населения, поддерживавшего партизан, имел своим след-

ствием не менее жестокие ответные действия югославских партизанских отрядов против мирного венгерского населения уже на заключительных этапах войны. Конфликтный опыт военных лет породил взаимное недоверие, с немалым трудом преодолевавшееся в первые послевоенные годы.

Подводя итоги, следует заметить: Трианонский мирный договор 1920 г., ставший неотъемлемой составной частью передела Средней Европы в соответствии с представлениями прежде всего французской элиты о равновесии сил в регионе, своим радикализмом в отношении побежденной Венгрии, ее новых, резко сузившихся границ, нанес тяжелые духовные травмы венгерскому национальному сознанию, и это стало причиной реваншизма во внешней политике страны и все более последовательной ориентации хортистской элиты на нацистскую Германию, также стремившуюся к пересмотру версальских границ. Причем все это находило широкую поддержку собственного общественного мнения. При всей своей социальной и политической разобщенности венгерское общество (включая диаспору в соседних странах) в целом восприняло начавшуюся в 1938 г. ревизию Трианона как восстановление исторической справедливости, что не благоприятствовало усилению оппозиционных настроений, затрудняло разрыв Венгрии с нацистской Германией, в которой зачастую видели единственную внешнюю силу, способную обеспечить благоприятное для венгров решение вопроса о границах. Или, иными словами, гарант пересмотра Трианона.

Итак, Парижский мирный договор 1947 г. подтвердил границы Венгрии, установленные Трианоном. Новая, биполярная ялтинско-потсдамская система, отнесшая Восточную Европу к советской сфере влияния (из нее выпала только, в 1948 г., Югославия после разрыва Сталина с маршалом Тито), не создавала никаких условий для пересмотра границ в регионе. Важно помнить и о том, что в Москве, имея представление о тлеющих углях застарелых территориальных споров, явно не хотели раздувания конфликтов в стане своих союзников и многое делали для их смягчения.

Прошло 40 лет, и мировая система социализма пала. И уже 30 лет страны региона живут в совсем другой Европе. Однако груз принятого в 1920 г. решения, в результате которого более 3 млн венгров оказались за пределами своего титульного государства (без последующего предоставления Венгрии каких-либо территориальных компенсаций, как это произошло, например, в случае с Польшей 1940-х годов, резко сдвинувшейся на запад), и сегодня оказывает довольно болезненное влияние на венгеро-румынские и венгеро-словацкие отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Hornyák Á.* (2013). *Hungarian-Yugoslav Diplomatic Relations, 1918–1927*. New York: Columbia University Press.
- Архив внешней политики России (АВПР), Москва.
- Бибо Иштван.* (2004). «О смысле европейского развития» и другие работы. М.: Три квадрата.
- Венгры и Европа. (2002). Сборник эссе. М.: НЛО.
- Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. (2017) // Отв. редактор Г.П. Мурашко. М., РОССПЭН.
- Виноградов В.Н.* (2010). Распад Австро-Венгрии и Румыния // *Славяноведение*. № 1. С. 3–11.
- Зейдлер М.* (2019). Трианонский мирный договор 1920 г. Взгляд современной венгерской историографии // *Историческая экспертиза*. № 2. С. 133–157.
- Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* (2008). Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг. М.: Индрик.
- Колонтари А.* (2010). Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским королевством в 1934 г. // *Славяноведение*. № 1. С. 19–30.
- Протоколы допросов бывших руководителей Румынии маршала Иона Антонеску и Михая Антонеску // *Великая Отечественная война. 1941 год.* (2011). / Отв. редактор В.С. Христофоров. М.: Институт российской истории РАН. С. 661–692.
- Стыкалин А.С.* (2019). «Венгерская общественность очень довольна, что СССР начал разрушать здание великой Румынии». Ревизия версальских границ Румынии в контексте советско-венгерских отношений начала Второй мировой войны // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. № 80.
- Стыкалин А.С.* (2014). Венгерское национальное меньшинство в Трансильвании как фактор отношений Венгрии и Румынии в 1950-е – 1980-е годы. Наследие прошлого и реальные проблемы эпохи социализма // *Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение* / Отв. редактор Е.П. Серапионова. М., Институт славяноведения РАН. С. 231–256.
- Стыкалин А.С.* (2009) Территориальный спор двух дунайских государств и советско-германское противостояние в регионе. К истории раздела Трансильвании в августе 1940 г. // «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО — Университета. Спецвыпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М. С. 291–298.
- Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940 — 1946. Документы. (2000). / Отв. редактор Т.М. Исламов. М.: РОССПЭН.

REFERENCES

- Arhiv vshnei politiki Rossii [Archive of the External Policy of Russia], Moscow.
- Bibo, I.* (2004) “O smysle evropeiskogo razvitiya” I drugie raboty [“On the meaning of European development” and other works], Moscow: Tri kvadrata.
- Hornyák, Á.* (2013). *Hungarian-Yugoslav Diplomatic Relations, 1918–1927*. New York: Columbia University Press.
- Islamov, T.M., Pokivailova, T.A.* (2008) *Vostochnaya Evropa v silovom pole velikih derzhav. Transivanskii vopros* [The Eastern Europe in the Force Field of the Superpowers. The Transylvanian Question]. 1940–1946. Moscow: Indrik.

- Kolontari, A.* Peregovoryi po ustanovleniui diplomaticheskikh otnoshenii mezhdru Sovetskim Sojuzom i Vengerskim Korolevstvom v 1934 g. (2010). [The Negotiations on the Establishment of the Diplomacy Relations between the USSR and Hungary in 1934], in: *Slavyanovedenie*. № 1. pp. 19–30.
- Protokolyi doprosov byvshih rukovoditelei Rumynii marshala Iona Antonescu i Mihaia Antonescu. (2011). [Interrogation Records of the Former Leaders of Romania Marshal Ion Antonescu and Mihai Antonescu], in: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941 god* [The Great Patriotic War. 1941]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. pp. 661–692.
- Stykalin, A.S.* (2009). Territorial'nyi spor dvuh dunaiskikh gosudarstv i sovetsko-germanskoie protivostoyanie v regione. K istorii razdela Transylvanii v avguste 1940 g. [The territorial dispute of the two Danube states and the Soviet-German confrontation in the region. On the history of the partition of Transylvania in August 1940], in: "Zavtra mozhet byit uzhe pozdno..." Vestnik MGIMO-universiteta. Speczvypusk k 70-letiyu nachala Vtoroi mirovoi voinyi ["Tomorrow may be too late..." Bulletin of MGIMO-University. Special issue for the 70th anniversary of the outbreak of World War II]. Moscow: MGIMO. pp. 291–298.
- Stykalin, A.S.* (2019). "Vengerskaya obschestvennosty ochen dovolna, chto SSSR nachal razrushaty zdanie velikoi Rummyinii". Reviziya versalskikh granicz Rummyinii v kontexte sovetsko-vengerskikh otnoshenii nachala Vtoroi mirovoi voinyi ["The Hungarian public is very pleased that the USSR began to destroy the building of great Romania". Revision of the Versailles borders of Romania in the context of Soviet-Hungarian relations at the beginning of World War II], in: Electronic academic and educational journal "Istoriya" ["History"]. № 80.
- Stykalin, A.S.* (2014). Vengerskoe naczional'noe men'shinstvo v Transylvanii kak faktor otnoshenii Vengrii i Rummyinii v 1950-e — 1980-e godyi. Nasledie proshlogo i real'nyie problemyi epohi sotsializma [The Hungarian national minority in Transylvania as a factor in relations between Hungary and Romania in the 1950-es — 1980-es. The legacy of the past and the real problems of the era of socialism], in: *Naczional'nyie menshinstva v stranah Czentralnoi i Yugo-Vostochnoi Evropyi: istoricheskii opyt i sovremennoe polozenie* [National minorities in the countries of Central and South-Eastern Europe: historical experience and current situation]. Ed. by E.P. Serapionova. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 231 — 256.
- Transilvanskii vopros. Vengero-ruminskii territorialnii spor i SSSR. (2000). [The Transylvanian Question. The Hungarian-Romanian Territorial Dispute and the USSR]. 1940 — 1946. Documents. Moscow: ROSSPEN.
- Vengerskoe naczional'noe men'shinstvo v Czechoslovakii v kontekste mezhgosudarstvennyih otnoshenii. Dokumentyi i materialyi. (2017). [The Hunagarian National Minority in Czechoslovakia in the context of interstate relations]. 1944 — 1951. Ed. by G. Murashko. Moscow: ROSSPEN.
- Vengryi i Evropa. (2002). [The Hungarians and Europe. The Collection of Essays]. Moscow: NLO.
- Vinogradov, V.N.* (2010). Raspad Avstro-Vengrii i Rumynii [The Dissolution of Austro-Hungary and Romania], in: *Slavyanovedenie*. № 1. pp. 3–11.
- Zeidler, M.* (2019). Trianonskii mirnyii dogovor 1920 g. Vzglyad sovremennoi vengerskoi istoriografii [The Peace Treaty of Trianon, 1920. The sight of the contemporary Hungarian historiography], in: *Istoricheskaya ekspertiza*. № 2. pp. 133–157.

The Trianon Peace Treaty of 1920 and its Consequences for the International Relations in the Central Europe

Author. Alexander Stykalin, Candidate of Science (History), Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS. **E-mail:** zhurslav@gmail.com

Abstract. The Trianon Peace Treaty, signed on June 4th 1920, between Hungary, from one side, and the victorious powers and their allies, from the other side, was the integral part of the system of the Paris peace treaties established as the result of the World War I. It laid the legal foundations for the destruction of Hungary in her medieval historical borders, establishing the status of Hungary in the postwar Versailles system of international relations. The author touches on the influence of the Treaty on the foreign policy of the Horthy's Hungary, which was supported by broad public opinion. The essays focus is the opposite trends of the foreign policy of Hungary and of the neighbor states – as opposed to Hungary striving for the revision of borders, Romania, Czechoslovakia and Yugoslavia were consistent in their desire to save the Versailles system.

Key words: Hungary, the Versailles system of the international relations, the Trianon Peace Treaty, World War I, Central Europe.